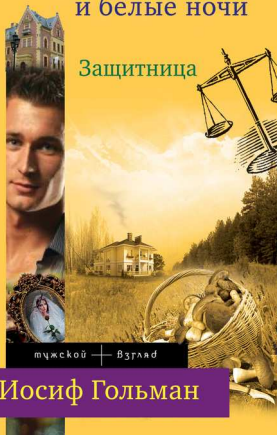

Любовь,
ненависть
и белые ночи

Защитница

тужской + взгляд

Иосиф Гольман

Иосиф Гольман
Защитница. Любовь, ненависть и белые ночи
Серия «Мужской взгляд»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6358496
Защитница. Любовь, ненависть и белые ночи / Иосиф Гольман: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68017-7

Аннотация

За любовь, как известно, надо бороться. А что, если любимая все же выбрала другого? Отступить, повторив слова классика «дай вам бог любимой быть другим»? Алексей Куницын не привык отступать и, когда Анечка отвергла его, поклялся отомстить. Но не самой девушке, даже не ее мужу, своему счастливому сопернику, а их сыну, который когда-нибудь родится.

И вот его полный тезка, Алексей Куницын, Лешка, стоит перед судьей. Он обвиняется в убийстве бывшего жениха своей матери, который, пользуясь служебным положением и неограниченной властью в их небольшом сибирском селе, третировал его, буквально не давал прохода.

Неужели Анечка, теперь уже Анна Ивановна, своим давним отказом разрушила жизнь собственному сыну?

На кого ей теперь надеяться? Кто поможет? Все вокруг уверены, что спасти мальчишку не удастся. И только Ольга Шеметова, молодой московский адвокат, уверена – ей удастся вытащить Алексея, найти ту соломинку, за которую можно будет зацепиться, чтобы не пропасть окончательно.

Содержание

Пролог	5
Двадцать два года назад	13
Москва	18
Москва	24
Двадцать один год назад	30
Москва	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Иосиф Гольман

Защитница. Любовь, ненависть и белые ночи

© Гольман И., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Эта книга вряд ли была бы написана без длинных и захватывающих бесед с Мариной Вячеславовной Каценко и Александром Всеволодовичем Алексеевым. Тем не менее все нижеизложенное – литературное художественное произведение, в связи с чем претензии от «опознавших себя» персонажей категорически не принимаются.

Пролог

Москва, адвокатская контора, площадь трех вокзалов

Эта контора выглядела так, будто существовала вечно. Вечная, не имеющая признаков времени мебель. В коридорах – эрзац-кожаные диванчики с широкими щербатыми деревянными подлокотниками, в кабинетах – светлые фанерные шкафы, столы, покрытые листом прозрачного или цветного оргстекла, да деревянные стулья со спинками, произведенные, может быть, сто лет назад. А может, вчера, по неизменному бюджетному эскизу, столь любимому казенными ведомствами.

Хотя само предприятие полностью казенным как раз никогда и не бывало. Даже в сталинские времена – а контора была зачата в приснопамятном 1937-м – адвокаты были людьми теоретически свободными и даже теоретически независимыми.

Ольга Шеметова, зайдя в знакомый полутемный коридор с шумной солнечной улицы, с удовольствием вдохнула привычный, только этому месту присущий запах.

Нет, лавандой там не пахло. И вообще сложно сказать, чем конкретно пахло. Неким эклектическим сбором, включавшим в себя стандартный аромат старого здания, легкий естественный привкус архивной пыли, немножко приятно-искусственный – от стирального порошка, который уборщица, протирая шваброй полы, всегда добавляла в ведро.

Еще явственно различалось присутствие качественной домашней еды – их секретарь Валентина Семеновна никогда не отдавала себя на заклятие привокзальному фастфуду и все приносила с собой в аккуратно закрытых баночках и кастрюльках.

«А я вот сто лет как сама не готовила», – упрекнула себя Ольга, но не всерьез, а так, мимоходом.

Потом, поскольку была обстоятельным человеком, додумала мысль про запахи. Необычным сегодня был, пожалуй, только один – свежий яркий аромат старинных, возможно, еще советских духов. Любимых духов ее покойной ныне бабушки. Как они назывались? Вроде «Красная Москва».

И исходил этот запах от единственного посетителя, точнее, посетительницы. Сильно немолодая, но красивая и статная женщина сидела на диванчике и спокойно разглядывала вошедшую адвокатессу. Вся она была какая-то ладная, и если бы не озабоченность в больших серых глазах, вызывала бы только приязнь. Впрочем, кто ж ходит по адвокатским конторам безо всякой озабоченности?

– Вы кого-то ждете? – поинтересовалась Шеметова. – Могу я чем-нибудь помочь?

– Нет, спасибо, – спокойно отозвалась женщина. – Я пока здесь посижу.

– Хорошо, – не удивилась Ольга.

Пять лет адвокатской жизни приучили ее ко многому, в том числе не удивляться непонятному. Точнее, не выказывать удивление, глядишь – в дальнейшем все прояснится. И Ольга, открыв дверь, зашла в свой кабинет.

– Оленька! – громко позвала Валентина Семеновна, не прибегая к имевшейся внутренней связи. – Тебе наряд! По пятьдесят первой.

– Сейчас подойду, тетя Валь! – так же через коридор ответила Шеметова.

Все привычно, все по-домашнему.

Да и наряд, в соответствии с принятой секретарем телефонограммой из суда, тоже был обычным, рутинным.

Некий страшный рецидивист, отсидевший немислимое количество лет – гораздо больше, чем Олин нынешний возраст, – в очередной раз попался на краже и в данный момент находился под стражей в СИЗО «Матросская Тишина». Денег у него, разумеется, не было, и из суда прислали запрос на бесплатного адвоката. Бесплатного для подзащитного (что и гарантировала ему упомянутая пятьдесят первая статья Уголовно-процессуального кодекса РФ), контора же получит от государства некие смешные для хорошего адвоката деньги. Впрочем, на «пятьдесят первых» тоже был спрос: у тех, у кого, как говорится, «глаз потух». Славы и богатства не заработаешь, но и с голоду не помрешь.

В Олиной конторе адвокатов с потухшим глазом пока, слава богу, не было, а потому они делили неимущих страдальцев между собой по очереди. Так что все справедливо.

Шеметова подошла к секретарю, взяла наряд на защиту. Идти в суд предстояло послезавтра. Валентина Семеновна могла и отказать судейским, так как правила требовали минимум пять дней для подготовки. Но портить отношения из-за ерунды не хотелось, дело было плевое – украдено два кило колбасы и еще что-то, такое же мелкое, а заведомо свободная Ольга хотела отбыть повинность побыстрее, мало ли что потом навалится.

Затем Ольга вернулась к себе – ей предстояло, воспользовавшись паузой, разобраться со скопившимися бумагами. Во второй половине дня она собиралась подъехать в тюрьму, поговорить с подзащитным, о чем тоже следовало позаботиться заранее.

Вообще, это вовсе не правило – кататься по тюрьмам, воняющим бедой, хлоркой и туберкулезом. И далеко не все защитники стремились к подобным поездкам, тем более по никчемному делу «бесплатного» подзащитного.

Но Оля точно была «не все». И если ее подзащитный арестован, то она считала своим долгом встретиться с ним в заточении.

С чего такая «жертвенность»? Никаких секретов. От любви к профессии, с чего ж еще.

Немногие знали, что адвокатом Ольга твердо решила стать... в пятом классе средней школы. Причем настолько твердо, что шла к своей цели как танк, невзирая на препятствия, которых на этом пути отчего-то насыпалось зело много.

Почему именно в пятом? Шеметова и сама не знала. Может, и раньше.

С детства болела за слабых. Даже в футбол по телику – только за тех, кто в данный момент проигрывает.

И вот в пятом классе сумела свои интуитивные ощущения проанализировать, вербализовать и структурировать. Уф, много букв, но сказано предельно точно.

– Оль, обедать пойдем? – В кабинет к Шеметовой заглянул Багров, самый маститый и титулованный адвокат их конторы. Можно сказать, звезда.

А еще объект тайной... не страсти пока, но, похоже, влюбленности молодой адвокатессы.

– Да, конечно, – мигом вскинулась Ольга.

Еще бы! Олег Всеволодович был идеальный, стопроцентный красавец. По крайней мере, в глазах Шеметовой.

Высокий, на голову выше девушки, с буйной, не поддающейся расческам каштановой шевелюрой и с густым, теплым и мягким баритоном. Таким голосом хорошо просить суд сократить срок виноватому, но все равно несчастному страдальцу. Иногда, правда, баритон менял если не тембр, то функционал: становился жестким, требовательным, неумным – когда адвокат защищал человека, подставленного властью или судьбой.

Вот уж у Багрова глаз не только не потух, но в жестких судебных заседаниях просто-напросто сверкал!

Короче, не влюбиться в такого было просто невозможно. Особенно девушке, чья любовь к адвокатуре была бесконечной. И которая при этом очень нелестно думала о собственной внешности.

Нет, Ольга Шеметова никоим образом не была уродиной. Все, как говорится, при ней. Настолько все, что могло бы быть и чуть меньше.

Ширококостная, с круглым лицом, розовощекая и круглобедрая – она бы прекрасно смотрелась на полотнах Тициана. Или Венецианова, в роли русской крестьянки. В небольших же масштабах адвокатских кабинетиков и городской квартирки-«двушки» девушка казалась себе чрезмерно крупной. Чего совершенно всерьез стеснялась.

Себя аттестовала примерно так: «Мы с сестрицей такие разные – она красивая, я умная». Хотя вообще-то вряд ли все это было адекватно. С единственной и любимой сестрой как раз честно – красавица. И с Олиными мозгами тоже не ложно – голова работала. Пять лет учебы плюс три года аспирантуры, на кураже и без единой четверки. Но представление о себе как «не красавице», конечно, было ошибкой. Ведь мужчины влюбляются не по анатомическим атласам, а по необъяснимому влечению. Либо – при его отсутствии – не влюбляются.

В общем, Олины заморочки по поводу внешности напоминали международную глобально-мировую проблему целлюлита. Проблема есть, да еще какая – миллионы женщин тратят миллиарды денег на ее решение. А вот целлюлита нет. «Апельсиновая корочка» на женской коже – не болезнь. Искусственная, выдуманная величина. Специально раздутая и выпестованная. Причем многие дамы это понимают. Что не мешает им – даже понимающим – тратить время и деньги на длительное, дорогое и бесперспективное лечение несуществующего заболевания.

Ольга закрыла свой кабинетик, и они с Багровым направились по длинному полутемному коридору к выходу. По дороге их окликнул Волик Томский.

Волик хотел от коллег еды. И побольше. Как всегда. Олег обещал прихватить.

Волик, заранее облизнувшись, поблагодарил. Вот уж кто был реально толст. Во все стороны один размер. Диаметр. И вот уж кто вообще не парился по этому поводу.

И правильно делал. Толпа девушек просто мечтала разделить его одиночество, а он, будучи человеком веселым, добрым и обеспеченным – московский адвокат в четвертом поколении, – старался никого не обижать отказом.

Волик был не один. В открытую дверь его кабинета Шеметова увидела и утреннюю даму, ту, что сидела с утра на посетительском диванчике. Дама сначала внимательно смотрела на Вольку, а потом перевела взгляд на адвокатессу.

Очень внимательный и очень спокойный взгляд.

Томский прикрыл дверь, оставшись наедине с потенциальной доверительницей, а Шеметова и Багров пошли отдаваться в лапы привокзального общепита.

У Ольги осталось некое послевкусие от встречи глазами с дамой. Что-то в ней казалось необычным. Точнее, все казалось: от странного, старинного какого-то выговора до странного, тоже не здешнего, вида.

Тем временем коллеги вышли на полную людей, машин, трамваев и троллейбусов грохочущую улицу, и новые впечатления полностью вытеснили из Ольгиной головы мысли о клиентке их конторы.

Теперь она думала только про одно обстоятельство. Да и не про обстоятельство вовсе. А про человека.

Конкретно про Олега Всеволодовича, неспешно вышагивавшего рядом, с красиво шевелившейся на свежем ветерке каштановой гривой роскошных волос. Шел он неспешно, но каждые два шага его длинных тренированных ног (горнолыжник и велосипедист) требовали три шажка от Ольги Шеметовой. Ведь крупная – это не обязательно высокая.

Ольга открыто любовалась коллегой, не мечтая даже о возможности заполучить когда-нибудь такое чудо. Точнее, мечтая, конечно. Но не особо надеясь. Чудо – оно и есть чудо.

Багров был не просто красавец и профи. Багров был боец и гордость адвокатского корпуса. К своим тридцати семи Олег Всеволодович заслужил репутацию человека, с которым отнюдь не жаждали связываться процессуальные противники. А врожденный азарт делал Багрова еще более опасным для «противной стороны», как частенько двусмысленно именовались в судебных баталиях соперники.

Этот же азарт иногда его и подводил.

В данный конкретный момент Олег Всеволодович ожидал решения Адвокатской коллегии по жалобе, поданной на него работниками прокуратуры. Жалоба была не вполне адекватной, но задачу вывести адвоката из процесса вполне смогла выполнить. Защищал он парня, обвиняемого по сто пятой статье в умышленном убийстве. Багров, тщательно изучив обстоятельства дела, пришел к выводу, что подзащитный убийства не совершал, а потому требовал его полного оправдания. Такого рода приговоры – крайняя редкость для отечественных судов, зараженных обвинительным уклоном (зря, что ли, следствие трудились?).

Вот на одном из заседаний Олег Всеволодович и воззвал к чувствам женщины-судьи, пообещав ей в случае несправедливого обвинительного приговора «мальчиков кровавых в глазах».

Он был хорош в своем запале и необычайно убедителен. Что не помешало прокурору подать на него жалобу «в связи с прямой угрозой участникам судебного заседания». Вряд ли, конечно, коллегия лишит адвоката звания за цитату из Пушкина. Но из процесса человека вывели. Точнее, из его официальной части.

Потому что и теперь Олег ходил на все заседания, только сидел не на привычном месте, а в первом ряду, в зале, молча сверля судью укоризненным взглядом.

Надо ли говорить, что эта история тоже добавила любовного огня в сердце романтической коллеги-адвокатессы.

И, если честно, Ольга Викторовна Шеметова готова была немедленно пойти с Олегом Всеволодовичем Багровым не только в относительно безопасную привокзальную столовую, но и куда угодно – хоть в сложный процесс, хоть в ссылку, хоть в загс.

Попасть же пока удалось только в симпатичный и недешевый итальянский ресторанчик: Багров решил поднять класс обеденного общепита. Ольге было бы лучше в кафешку или столовку. Не нравились ей оба варианта дальнейшего развития событий. Платить за рядовой обед в дорогом ресторане – денег она пока получала не так много. А допустить, чтоб за нее платил Олег, не позволяли с детства привитые правила.

Но что есть, то есть.

Тем более есть здесь было что...

Это же так фантастически вкусно: правильный греческий салат и правильная пицца! Правильный греческий салат – это когда помидоры сочные, грунтовые и пахнут помидорами. Огурцы же твердые, в пупырышках и сладковатые. А фиолетовый лук – совсем не горький. Впрочем, отменные овощи, зелень и сыр фета – необходимое, но недостаточное условие правильного греческого салата. Еще жизненно важна заправка, объединяющая оливковое масло, винагру и некие оригинальные тайные ингредиенты, известные лишь конкретному повару, автору конкретного кухонного произведения. Если же все сошлось – то другого блюда вообще не надо.

В здешнем салате все сошлось.

А когда к нему добавилась правильная пицца – огненная, с тоненьким тестом и с запеченным сыром, залитым острой томатной пастой, – жизнь стала и вовсе прекрасной.

Вообще-то можно было на том и остановиться: сытно, вкусно, достаточно.

Но не таков Олег Всеволодович. Азарт – он ведь или есть, или нет. А среднего не бывает.

Багров потребовал продолжения банкета, причем заказывал на двоих.

Овощной супчик-минестроне и каре барашка принесли коллегам массу эмоций, причем все положительные.

Ольга тоже не смогла остановиться – не бросать же почти любимого в неравной схватке с первоклассной жратвой. С некоторой тревогой мысленно пересчитала содержимое кошелька. Облегченно вздохнула, поняв, что денег хватит. А потом как-нибудь разберется.

Наелись так, что вставать не хотелось.

Еще одну замечательную пиццу, огромную и целенькую, им положили с собой, в круглую фирменную коробку – для трудолюбивого Волика.

– Слушай, давай пять минут посидим, – усталый, но довольный Олег комфортно устроился в удобном кресле.

– Я не против, – честно сказала Ольга.

Ни против пяти минут, ни против вечности. Впрочем, этого она уже не сказала.

– Я, кстати, хотел тебе дельце подбросить, – минутку покайфовав, начал старший коллега.

– Какое? – удивилась Шеметова; удивилась и обрадовалась.

– Установление отцовства. Точнее, отказ от отцовства.

Заметив непроизвольную гримаску на Ольгином лице, добавил:

– Он точно не отец. В данном случае он кошелек. Ну, и поставщик отчества в придачу.

– Откуда вы знаете? – недоверчиво спросила Ольга. Дружба – дружбой, а профессия – профессией.

– Уверен, – усмехнулся Багров.

– Клиент сказал? – теперь уже усмехнулась Шеметова.

Адвокат никогда не спрашивает своего подзащитного, виновен ли тот на самом деле. Ведь защищать придется в любом случае.

– И клиент сказал, – подтвердил Олег. – И я справки навел. А ДНК-экспертиза подтвердит. Слушай, – вдруг предложил он. – Давай уж оба на «ты». А то одностороннее тыканье – как-то неудобно выходит.

– Давай, – еще раз обрадовалась Ольга.

Прямо сплошные радости сегодня! Ради этого точно можно потерпеть пару дней без обедов.

Но терпеть голодные дни адвокату Шеметовой не пришлось: Олег не оставил ей шансов, заграбастав принесенный официантом счет себе и отмахнувшись от ее протестов, как от назойливой мухи. Впрочем, и особого неудобства Ольга не испытала. Они ведь теперь не просто коллеги, они партнеры!

Надо сказать, что формально адвокаты-партнеры бывают только в адвокатских бюро. В конторах партнеров нет. Но ведь слово «партнер» имеет и другие смыслы, в том числе те, о которых втайне мечтала девушка.

Шеметова удивилась бы до чрезвычайности, если бы в тот момент ей сказали, что через пару часов уже она будет приглашать в свое дело партнером адвоката Олега Всеволодовича Багрова.

Но не все сразу.

Пока они покинули столь приятное заведение и еще через четверть часа были в родной конторе.

Осчастливленный Волик даже забыл сказать спасибо, выхватил заветную коробку с пиццей из рук Багрова и скрылся с ней за дверью своего кабинета. Таинственной посетительницы там уже не было.

«Странно, что меня это интересует», – мелькнуло у Шеметовой в голове, и тут она увидела утреннюю даму, выходящую уже из соседнего кабинета. Его хозяин, самый пожи-

лой и опытный из адвокатов конторы, Аркадий Семенович Гескин, галантно проводил ее до двери.

– Благодарю вас, Аркадий Семенович, – плавно сказала дама и... снова уселась на посетительский диванчик, не отрывая, впрочем, глаз от вернувшейся Шеметовой.

Под ее взглядом Ольга дошла до своего кабинета, открыла его и села за письменный стол.

«Странная женщина», – только и успела она подумать, как дверь снова открылась, и предмет ее размышлений без приглашения уселся напротив.

– Я все-таки к вам, – сказала она.

– Я же вас еще утром спрашивала, – не поняла Шеметова.

– А утром я еще не знала, – парировала дама.

– А теперь знаете? – Ольга, непонятно отчего, смутилась.

– Теперь – да. – И посетительница вывалила на стол целую стопку визиток.

Шеметова молча разглядывала их, не трогая. Это были визитные карточки столичных адвокатов. Самых разных. Иногда известных.

– Вы выбираете адвоката, – наконец сообразила Шеметова.

– Выбрала, – немногословно поправила та.

– Кого же?

– Тебя.

После чуть затянувшейся паузы Ольга задала естественный вопрос:

– Почему меня? Тут у вас много хороших имен.

– У тебя тоже будет хорошее имя, – усмехнулась женщина и наконец, протянув вперед руку, представилась: – Анна Ивановна Куницына.

– Очень приятно, – сказала Шеметова.

Рука у гостьи была дай боже – крепкая и цепкая одновременно. С неожиданно гладкой ухоженной кожей. Неожиданно, потому что лицо выдавало человека, работающего на открытом воздухе.

– Может, ты думаешь, у меня денег на известных не хватит?

– Нет, что вы! – замотала головой Ольга, хотя первоначально именно так и подумала.

– Денег у меня на любого хватит. А не хватит, так родные помогут. Из Архангельской губернии мы.

«Вот откуда говор такой», – сообразила Шеметова.

– А в Архангельске хороших адвокатов разве нет? – удивилась она. – Опять же, с местной спецификой знакомы.

– Мне не показались, – закончила Анна Ивановна тему.

– Да и в Москве есть более опытные. – Ольга уже понимала, что в столицу женщину привело что-то серьезное. И, здраво оценивая свои силы, давала той возможность не спешить с выбором. – Вон тот же Томский. Или Гескин.

– Томский годится, чтоб домик во Франции у супруга оттяпать. А вот Аркадий Семенович хорош, – согласилась та. – Если б не ты, его б взяла.

– И почему же не его выбрали? – Шеметовой важно было разобраться в стремлениях и помыслах неожиданной клиентки.

– Старый он, – сухо объяснила посетительница. – Умный, шустрый. Но старый. А здесь пахать придется. Может здоровья не хватить.

– А почему вы думаете, что я выдержу?

– Я не думаю, – сказала она. – Я вижу. – И улыбка снова вернулась на ее решительное лицо.

Ольга, даже не зная сути дела, была горда выбором женщины. Но врожденное чувство справедливости заставило все же сказать:

– А разве Багров не лучше меня?

И снова получила в ответ неожиданное:

– Лучше.

– А что ж тогда не он?

– Он сильно занят, я выяснила. И в Архангельск не поедет. Это если я попрошу.

– Не поняла. – Ольга и в самом деле услышала в прозвучавшей фразе что-то недосказанное.

Ей тут же досказали.

– А вот если ты попросишь – поедет.

– С чего вы взяли? – зарделась Ольга.

Ее щеки имели гадкую привычку в сложных ситуациях самопроизвольно становиться чуть не оранжевыми.

– Мне почти пятьдесят, дочка. Что вижу, то и знаю. Ты позовешь, он поедет.

– А вам не дать вашего возраста, – попыталась сменить тему Шеметова.

– Всю жизнь на свежем воздухе, – явно не удивилась собеседница. – Да муж хороший.

Что еще бабе надо? Только давай уж к делу.

– Так что за дело у вас? – наконец дошли до главного.

– Мой сынок убил милиционера, – сразу потеряв улыбку, сказала Анна Ивановна. – Позвал с собой еще одного, дурачка. И убил.

– Убил милиционера? – ужаснулась Шеметова.

Она пока так и не привыкла, что время от времени люди убивают друг друга, становясь клиентами в том числе и ее конторы.

– Да. Подстерег в лесу и убил, – вздохнула посетительница. – В тюрьме сейчас. В Архангельске. А суд в районе у нас будет. Председатель сельсовета общественным обвинителем вызвался.

«Убийство представителя правоохранительных органов, умысел, группа», – подытожила про себя Ольга. Получалось невесело. Если не найти достойных смягчающих – пахло расстрелом. Или, пока действует мораторий, – пожизненным.

– А лет ему сколько?

– Восемнадцать обоим.

– В момент убийства уже было восемнадцать?

– Лешке моему за полторы недели до убийства исполнилось. А Ваське-дурачку – за две.

– А почему вы все время про обоих говорите?

– У Васьки отца нет, а мать пьющая. Я и ему адвоката хочу. Мой же сын его туда затащил.

– Понятно.

На самом деле Шеметовой мало что было пока понятно. Но кураж уже пошел, аж ноздри раздулись. Нет, не все так просто было в этой истории.

– А вы сами уверены... – тщательно подбирая слова, начала Ольга.

– Что сын – убийца? – невесело усмехнулась та.

– Ну да, в степени его вины.

– Что убийца – уверена. А степень вины Бог определит. С вашей помощью. Так ты согласна или нет?

– Да, – однозначно ответила Шеметова.

Потом она еще долго беседовала с Анной Ивановной, выспрашивая детали и планируя, что необходимо взять с собой.

Куницына категорически настаивала, чтобы московские адвокаты выехали в Архангельск заранее, до суда. Шеметова объяснила, что это неоправданно дорого, ведь клиентке, кроме гонорара, придется платить им и за дорогу, и за проживание.

Но женщина была непреклонна. И она же послала Ольгу к Багрову, просить его взяться за дело.

Шеметова с замиранием сердца зашла в кабинет к своему во всех отношениях светочу. И неожиданно легко получила его согласие на дальний, относительно долгий выезд.

Раздумывая о случившемся, вернулась в кабинет.

– Ну, что, согласился? – спросила Анна Ивановна.

– Ага, – ошеломленно кивнула Ольга. – Сразу.

– А ты сомневалась, – улыбнулась Куницына.

На прощанье – до завтра – Ольга не удержалась, спросила:

– Анна Ивановна, а сын у вас... единственный?

– У меня, Олечка, восемь деток, – уже не улыбаясь, спокойно ответила Куницына. –

И все единственные, – после короткой паузы добавила она.

Двадцать два года назад Деревня Заречье Архангельской области. Куницыны и Рыбаковы

Если смотреть на эти места на карте мира, то ничего особенного не увидишь: несколько голубых капель крупных озер снизу, зеленая краска бескрайнего леса посередине да холодное море сверху. То же самое, но на карте среднего масштаба, выглядит уже совсем по-другому: как будто кто-то, не скупясь, набрызгал с кисти на бумагу лазурной краски. А уж потом оставшееся раскрасил зеленью.

Воды здесь и в самом деле много. Холодной, прозрачной, вкусной. Потому что почти никогда не стоячей, хоть и без особо быстрых стремнин – гор тут нет, одни пологие холмы да увалы.

Реки тоже особенные. В основном не слишком великие, но во множестве разбросанные. Рек так много, что порой переправа на крошечных паромках, а главное – их ожидание, занимает у водителя больше времени, чем собственно езда по грешной тверди. Впрочем, для местных это так же привычно, как для москвичей метрополитен. Разве что москвичи за проезд платят всегда, а паромы и паромчики днем по будням бесплатные. Местный колорит. Еще одна местная лесо-речная особенность – множество гранитных валунов, набросанных везде. И среди деревьев, и на берегах рек и озер, и в самой воде. В мелких речушках камней порой больше, чем чистой воды и холодной – даже летом – влаги.

Может, отсюда издавна возник в этих местах странноватый вид наказания не очень хороших людей. Называется «надеть мешок».

И выглядит ровно так, как называется. Подходят к не очень хорошему человеку сзади и надевают на голову мешок. Потом завязывают его снизу и сталкивают изгоя в речку. Течение ощутимое, однако все же не как в горных потоках. Да и малая глубина резко увеличивает шансы наказанного вернуться домой, хоть побитым о камни и до нитки промокшим, но живым. Уменьшает же шансы температура воды. Десять градусов по Цельсию в июле – не лучшее место для длительных водных процедур.

А потому не очень хорошие люди в мешках возвращаются домой все-таки не всегда. В таком случае считается, что, возможно, грехов у наказанного было все же больше, чем односельчане ведали. Бог же, в отличие от односельчан, видит куда глубже и распоряжается по-своему.

Еще один вариант серьезных разборок – лесной. Здесь вокруг – тайга настоящая, лишь на самом севере постепенно переходящая в лесотундру. Лес глухой, и хвойный, и лиственный. С огромным количеством проходимых только зимой болот. Вот туда и уходили своего рода дуэлянты для окончательного решения затянувшегося конфликта. Если в живых оставался только один, он, по законам чести, обязан был принести в деревню тело противника, пострадавшего, разумеется, в результате случайного выстрела на охоте. Наказание в суде, как правило, следовало условное: в крае, где каждый четвертый – охотник-промысловик, за неудачный выстрел строго не карали.

Впрочем, все эти экстримы, типа мешков на голову и дуэли в тайге, конечно, происходили крайне редко. Жизнь в здешних краях текла размеренная, трудовая, вовсе не как на Диком Западе. Главной же причиной ранней смерти являлась, как и повсюду в стране, не преступность, а банальная беленькая. Ею грелись в длинные восьмимесячные холода, ею ублажали себя во все праздники и выходные. Те же, кто переходил на ежедневное употребле-

ние, довольно быстро покидали ряды уважаемых односельчан, а через какое-то время переселялись на тихие деревенские погосты.

Все как везде.

Хотя и отличий хватает.

Например, тех же пьяниц все-таки поменьше, чем в Средней России, где порой в деревнях только они и остались.

Здесь еще живы старорусские традиции.

Они – во всем.

Пятиоконная изба не считается большой. Справный труженик за короткое лето должен сделать столько запасов, чтоб хватило на долгую зиму. Поэтому и жилища часть огромная, и хозяйственная. Не редкость, когда амбар для сохранения тепла располагается на втором или даже третьем этаже дома, сложенного на века из гигантских лиственничных или хвойных стволов.

И еще остались столетние постройки, где на домашний склад ведет широкая, говоря по-нынешнему, аппарель. Лошадь завозит наверх телегу с добром. А наверху так просторно, что ее можно развернуть с телегой, не распрягая.

Короче, людям непьющим, с головой и руками, этот край очень по душе. Здесь, работая, с голоду точно не помрешь. Работали же в колхозе, близлежащих лесхозах. У военных тоже работали, двадцать два года назад было их в округе еще много.

И, конечно, работали на себя: в огородах, на речке, в лесу.

Вот в такой работающей и дружной семье выросла умная, веселая и крепкая девчонка Анечка Куницына.

Там, где Анька, – там смех и улыбки.

В деревне школа была только начальная – и она четыре года была ее звездой. Потом ездили учиться в соседний поселок (соседний – это двадцать шесть километров по лесной дороге, правда – хорошего качества, военной), в десятилетку. И там она была звездой тоже.

Почему? Да кто ж его знает. Были подружки и покрасивее, и постройнее. Но звезда была только одна – Анечка Куницына.

Веселая, работающая, упорная. И очень, очень добрая. К ней тянулись все: дети, одноклассники, даже взрослые. Чего уж там, местные псы и те ее не облаивали. В ее обществе было легко и комфортно.

Надо ли говорить, что, когда Анечка подросла и стала девушкой, желающих связать с ней судьбу оказалось предостаточно?

В потенциальных женихах перебивало полсела, приезжали соискатели и из других мест, но все получили вежливый, необидный отказ. Это было тем более странно, что в институт Куницына не собиралась, в город переезжать – тоже.

После школы, получив аттестат на «хорошо» и «отлично», пошла работать дояркой в колхоз. И уже четвертый год вполне была рада своему существованию.

А уж как коровы были рады! Буренок не только кормили, доили и мыли – с ними разговаривали и им пели песни. В ответ животные не жалели молока, а председатель колхоза – тоже местный – ставил Аньку в пример и выписывал ей премии.

Мама Анечки, Мария Петровна, дочкой, разумеется, гордилась. Тем более что та ей так нелегко досталась – любимый муж утонул на рыбалке в самом начале совместной жизни, а выходить замуж второй раз Мария Петровна не захотела.

Но вот дочкина переборчивость с женихами даже слегка пугала. Деревня – не город, стукнет двадцать три – старая дева. Хорошие-то девки в девках не засиживаются, только если с изъясном каким.

Попытки поговорить с дочкой по душам ни к чему не привели. Сказала только, что ждет мальчика из армии. А кого, не сказала. Зато успокоила маму, пообещав ей много-много внуков. Будет куда с пользой израсходовать старость.

Мальчик из армии приехал на следующую весну после памятного разговора.

Точнее, не из армии, а с флота. Три долгих года на ракетном крейсере, два дальних похода. Отличник боевой и политической подготовки, о чем свидетельствовали сверкающие значки на могучей груди.

Пил с родственниками и друзьями всего два дня, хоть и крепко. Потом день отлеживался, не принимая ничего, кроме огуречного рассола.

А на следующее утро – Анечка как раз вернулась с утренней дойки, вымылась и позавтракала – пришел с целой делегацией в ее дом делать официальное предложение. Возглавлял «посольство» сам Мирон Андреевич, председатель колхоза, специально приехавший с центральной усадьбы в родную деревню для столь важного дела. Кроме того, что его попросили родственники жениха, у председателя был и экономический интерес: колхозное отделение в Заречье было хиловатое, Анечка же – стержневой работник. А станет семейной – уж точно на крыло не поднимется и пост не оставит.

Да и вообще он Анечке симпатизировал, как и подавляющее большинство всех тех, кто с девушкой общался.

Впрочем, с дел сразу начинать невежливо. Поэтому начали с обильного угощения.

Анечка о времени сватовства – да и самом предстоящем сватовстве – была не в курсе, три дня провела в Архангельске, выбирая себе заочный техникум, а вот Мария Петровна подготовиться успела. Одних пирогов было видов десять, в том числе огромная круглая «калитка» с белорыбицей, мясные кулебяки, сладкие ватрушки с брусникой, тонкокорые нежные пирожки с яблоками, с черникой и с вишнями.

Потенциальный жених был весел и целеустремлен. Рассказывал про свои подвиги в морских походах и про высокие горизонты, открывшиеся перед бравым старшим матросом: его, успевшего на флоте вступить в партию, пригласили на курсы участковых милиционеров. Карьера открывалась блестящая. Без всякого училища можно было стать офицером МВД, обеспечив надежный достаток будущей семье.

Наевшись и напившись (второе касалось только делегации, сам жених оставался почти трезв), гости приступили к главной части мероприятия.

– Ну что, Петровна, – начал Мирон Андреевич. – Как говорится, у тебя – товар, у нас – купец. И товар красен, и купец хорош.

– Да уж, – согласилась расслабившаяся Мария Петровна. – Так оно и есть.

И за дочку ей было не стыдно, и потенциальный зять ничего, кроме хороших чувств, не вызывал: сильный, огромный, с понятным будущим и правильным прошлым – судя по нагрудным знакам, отслужил достойно. А надо сказать, в те времена и в тех местах парни, откосившие от армии, и парнями-то считались с натяжкой. Здесь же было все явно по-человечески.

– Опять же, фамилию не менять, – хохотнул председатель.

И это тоже было правдой.

У Алешки была фамилия Куницын, как, впрочем, еще у доброй половины односельчан. Вообще в Заречье в ходу было только две фамилии: Куницыны да Рыбаковы, что косвенно свидетельствовало о том, что жизнь сельчан на протяжении столетий была связана с заполонившими край реками, озерами и лесом.

Гости степенно уселись за стол, не спеша, зато основательно приступив к поглощению наготовленных Марией Петровной вкусностей.